

Облитые томатом

«Жизнь с идиотом» Андрея Жолдака на фестивале «Балтийский дом» рассказывает Дмитрий Ренанский

СВЕРХСЮЖЕТ БОЛЬШИНСТВА
(ЕГО СПЕКТАКЛЕЙ — ОПЛАКИВАНИЕ
НАСИЛИЯ НАД ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДОЙ)

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ по счету «Балтдом» объявил темой фестиваля «Живой театр»; вполне логично, что на закрытие позвали режиссера, само имя которого давно стало синонимом драматической витальности. Мало кто в сегодняшней драме способен раздражать столь сильно, как украинец Андрей Жолдак: броуновское движение после показов его спектаклей начинается даже в петербургском околотеатральном болоте. На фестиваль, с которого началась его российская слава, Жолдак привозит одну из последних своих зарубежных работ — поставленную в румынском городе Сибиу «Жизнь с идиотом» по рассказу Виктора Ерофеева. Театр Radu Stanca в последнее время все чаще обращает на себя внимание крупнейших мировых театральных форумов, в нынешнем году он гостил в Эдинбурге. Бывал он и в Петербурге — завсегдатаи «Балтдома» могут припомнить семилетней давности «Отелло?!» того же Жолдака.

Тогда, в 2002 году, неистовый украинец только-только был объявлен надеждой постсоветского театра и лишь начинал выходить на российскую сцену. Че-

рез год, в 2003-м, Жолдак ставит «Чайку» в московском Театре Наций, а еще два года спустя, в 2005-м, его снимают с поста худрука Харьковской драмы и он окончательно уезжает с Украины, мотаясь между Москвой и Берлином. За четыре года режиссер поставил в Москве три спектакля; столичный Жолдак вроде бы оставался самим собой, то есть по-прежнему провоцировал, эпатировал и фразировал, — но при этом сама материя его спектаклей хирела так последовательно, что после прошлогодней премьеры московская критика дружно поставила на режиссере крест.

Показ поставленной в 2006 году акkurat в перерыве между московскими работами «Жизнь с идиотом» выглядит реабилитацией творческой репутации Жолдака: никакой энтропией здесь не пахнет. Настоящий постмодернист не может быть последовательным, но «Жизнь с идиотом», как ни крути, выглядит органичным продолжением исканий Жолдака — представить его портфолио без этой работы было бы трудно.

Выбор материала понятен. Рассказ Виктора Ерофеева подходит Жолдаку чисто

структурно — это поток болезненного сознания, текст-сырец, который можно перерабатывать как и во что угодно. Жолдак привык инсценировать не дословно, а россыпью, калейдоскопом сюрреалистических осколков, и ему должен быть интересен густой бред малой ерофеевской прозы — тут и развязывающая постановщику руки нелинейность повествования, и дикая образность, и повальный промискуитет. Отдельные фразы Ерофеева читаются как запись мизансцены из какого-нибудь спектакля Жолдака.

«Жизнь с идиотом» должна была привлечь Жолдака в том числе и потому, что сверхсюжет большинства его спектаклей — оплакивание насилия над человеческой природой, а Ерофеев пишет примерно о том же. Жолдак привык разворачивать свои размышления в архетипическом пространстве, героями его последних спектаклей оказывались выкинутые в современный мегаполис Федра («Федра. Золотой колос»), Кармен («Кармен. Исход») и Медея («Москва. Псих») — и у Ерофеева тоже есть выход в мифическое прошлое. «Жизнь с идиотом» ставится как притча

из жизни абстрактных людей без всякой исторической привязки. Сам режиссер говорит, что из рассказа Ерофеева он вычитывал притчу о грехопадении, которое ускоряет Божий посланец-провокатор.

Чисто театрально «Жизнь с идиотом» развивает основные приемы театра Жолдака, и прежде всего использование интерактивной видеотрансляции. На сцене бок о бок стоят два павильона, интерьеры которых придирчиво воссоздают бытовое пространство двух комнат. Снующий то тут то там оператор снимает происходящее внутри на видеокамеру, и в результате зритель наблюдает за происходящим в павильонах не только сквозь их окна, но и поглощая сочные крупные планы, проецирующиеся на свисающие из-под колосников экраны. В последних спектаклях Жолдака казалось, что еще чуть-чуть — и экран поглотит сцену, а театр превратится в кино. В «Жизни с идиотом» живой план настолько мощный, что такой опасности не возникает. Самый что ни на есть Жолдак, это будто про него Ерофеев написал в первом же абзаце: «отвратительное состояние нестабильности».

Балтийский дом, 11 октября, 19.00